

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ
ФРОНТ

Александр Щербаков-Ижевский

**Северо-Западный фронт.
Серия «Бессмертный полк»**

«Издательские решения»

Щербаков-Ижевский А.

Северо-Западный фронт. Серия «Бессмертный полк» /
А. Щербаков-Ижевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839817-9

Если у командира была душа, он шёл в атаку. И погибал с чистой совестью. В то же время жестокие, циничные, случайные люди в армии, да просто проходимцы, как тараканы прибивались к тёплым и сладким, а главное безопасным щелям. Жили мы на войне, как скоты, и к смерти относились обречённо, по-скотски. Бесперебойно, интенсивно и отлаженно работала машина смерти. У командиров не было никаких новых идей и целей, широты замысла и внезапности, полное отсутствие полководческого стратегического мышления...

ISBN 978-5-44-839817-9

© Щербаков-Ижевский А.
© Издательские решения

Содержание

Гигантомахия смертного боя. Северо-Западный поединок	6
Осушить страданий горьких чашу и нести свой крест	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Северо-Западный фронт Серия «Бессмертный полк»

Александр Щербаков-Ижевский

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича Щербакова
(28.10.23—10.06.64) посвящаю...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей героям Великой
Отечественной войны.*

Северо-Западный фронт.

*Новгородская область, Старая Русса-Демянск-Рамушево.
1942—1943 гг.*

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Корректор Игорь Иванович Рысаев

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9817-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гигантомахия смертного боя. Северо-Западный поединок

Не нами было подсчитано, но на фронте все знали эти страшные гипнотические цифры. Жизнь рядового на «передке» в среднем составляла 45, а взводного лейтенанта целых 7 дней.

Но, когда бывало наступление, жизнь усиленного полка в полторы тысячи штыков исчислялась по времени меньше суток. А три полка стрелковой дивизии быстрее было закопать в землю, чем достичь поставленной задачи сломить оборону противника.

На уничтожение одной немецкой дивизии командирами определялось пять-десять наших. Так и ложились штабелями в полном составе своих подразделений боевые товарищи в болотах да на подходах к оборонительным рубежам фрицев.

Мы же всегда и везде непрерывно атаковали, а значит, несли большие потери. Но, видимо, такое соотношение потерь наше начальство устраивало.

Бесперебойно, отлажено и интенсивно работала машина смерти. И никто не хотел помянуть сложившееся положение дел. А может, не давали хотеть?

У командования не было никаких новых идей и целей, никакой широты замысла и внезапности, полнейшее отсутствие полководческого стратегического мышления.

Всегда и везде одно и то же. Всего лишь тупое продолжение предыдущих бесполезных и неоправданно жертвенных желаний. И безальтернативное, безвольное подчинение бездарным распоряжениям вышестоящего командира.

Неорганизованность наступательных боев, большие потери сказывались на боевом духе солдат. У более слабых из них, появлялось чувство безысходности и неизбежной гибели.

После боя солдаты писали письма родным. Заветный треугольничек мог принести беду своему автору. По неосторожности солдат мог написать домой что-либо о своем местонахождении, сроках наступления. О своих переживаниях. Страхе. С кем же, как не с папой или мамой молодому бойцу поделиться о своей тревоге или испуге.

Не дам и пятака, как запросто мог попасть солдатик на прицел оперчасти.

Подобно грому среди ясного неба, неожиданно приезжал лейтенант с синими околышками. За упаднические настроения забирал бедную головушку с собой. Обратно уже никто не возвращался. Поговаривали об их дальнейшей незавидной судьбе. То ли штрафбат. То ли штурмовая рота.

По любому, это уже были смертники.

До начала боя людей, добровольно желающих пойти в смертельную атаку на дзот, или с гранатой на танк не водилось. Если фашист не пристрелит, герои появлялись вдруг и неожиданно прямо во время сражения. А рутинную работу вместо подвига, кому-то надо же было исполнять. Поэтому у особистов руки были развязаны. Они тоже туго выполняли своё дело. У них имелся даже свой план. И перевыполнить его было невозможно. Слишком велика была ротация людей. Одни туда, другие в землю. Туда-в землю. Туда-в землю. В землю. В землю...

Поэтому в штрафбате свободные места всегда имелись.

Неумение некоторых командиров воевать, командовать и управлять приводило к абсурдным жертвам. Люди это понимали и сильно переживали. Жизнь человеческая, солдатская жистянка обесценилась до никчемности. Для солдата умирать в позиционной войне неприлично позорно. А при полнейшем незнании стратегического намерения своего командования, это всегда личная и бессмысленная трагедия каждого. Великий крест голгофы.

Да кого из командиров волновала моральная сторона вопроса? Выстроенная вертикаль не знала пощады! Все уже настолько привыкли, что в безысходном ожидании смирились с неизбежностью. Люди, чувствовали беду на подкорке. С содроганием понимали, что любой при-

каз о наступлении принесёт обязательную смерть или лишенную всякого смысла кровь. При любом раскладе, для солдата, это нескончаемая мука мученическая и страдания до зубного скрежета.

Ультимативная безответственность страшна еще сильнее, ей вовсе нет прощения. Не смогут сказать свое слово погубленные солдаты и офицеры за ошибки штабистов. Хотя не припомню случая, чтобы кого-либо из командиров за провал операции подвели под трибунал. Командиры как данность, воспринимали факт нескончаемых потерь. Для докладов руководству безвозвратные потери искажались и не соответствовали реальности.

Конца и краю не было видеть рекам солдатской кровушки. Эта бойня была невероятной жестокости, изуверства и злобы. Страшная скотобойня по своей сути и озверелости. Выплеснутое неистовство, лютость и кровожадность противостоящих сил не знали примеров по своей бесчеловечности и цинизму. Безжалостность и нещадная озверелость были основой противостоящих сил.

Капелланов, конечно, не было. Военных часовен никто не строил. Но и в коммунизм мы тогда особо не верили. По солдатским душам туда-сюда со своей пропагандой «ездили» комиссары и политработники. Они уверенно врали и обещали сладкую жизнь после войны. Сгрудившись на собрание, бойцы согласно кивали головами. А в реальности они даже не слышали, о чем говорит политрук. Каждый думал свою думу.

Деревенским мужикам было не до высоких материй. Они просто, как могли, воевали за свою родину против страшного врага. О Сталине вспоминали изредка. Вождь и вождь, где-то там, далеко. А родная земля, вот она. У каждого солдата под ногами. И в случае гибели не кто-то там, в Московии, а край родимый, юдоль скорби примет на веки вечные. Поэтому в атаку с именем Сталина на устах обычно не хаживали.

Этим положением дел пытались воспользоваться фашисты. С самолётов на передовой разбрасывали листовки с содержанием для слабых духом: «Вы все погибнете в болотах! Убивайте командиров, комиссаров и евреев! Сдавайтесь в плен! Гарантируем жизнь!». Но солдаты фашистским захватчикам не верили. Слишком ожесточённой была ненависть к оккупантам.

Мы с детства усвоили уроки родителей. Они дурного не посоветуют. Предки для всех нас были в образе святых и это не обсуждалось. А тезоименитая блаженная Матронушка учила всё родство жить с молитвой. Поэтому у большинства солдат в обязательном порядке имелся нательный крестик. Вот мы и налагали на себя, на предметы, технику, оружие и боеприпасы крестное знамение. Как бы, ограждали себя от злой силы. Отправляли её с «приветами» врагу. Пусть помучается непрошенный гостенёк. Глядишь, и копыта сатанинские откинет.

Матрона: «Враг подступает, надо обязательно молиться. Внезапная смерть бывает, если жить без молитвы. Враг у нас на левом плече сидит, а на правом Ангел. Крест, это такой же замок, как на двери. Силою Честного и Животворящего Креста спасайтесь и защищайтесь!».

Бывало, наложишь на себя крестное знамение и вперёд, под дождь свинцовый. Честно скажу: и помогало, и защищало, и, главное, вселяло надежду!

Не знаю, сколько было желающих дезертиров, но паникеров-самострелов хватало. Если распознают о причинах ранения, в таких случаях разговор был коротким. Расстрел перед строем. Чтобы определить таковых, в нашу роту периодически наведывались особысты.

Однажды в медсанбат прибыл раненый с оторванной левой кистью. Оказывается, во время перестрелки он встал за дерево и с другой стороны ствола взорвал гранату. По этому случаю нашёлся свидетель. Тут же приехал дивизионный трибунал. Быстро и скоро принял решение.

Офицер из военной прокуратуры собрал находящихся поблизости бойцов. По приказу построил в шеренгу. Самострел стоял на коленях перед строем и напрасно размахивал культишкой руки. Тщетно и безуспешно предатель взывал братишек о помощи, молил и просил

прощения. Страшно кричал о пощаде. Но никто из однополчан не сожалел о расстрельном приказе.

Тут же, перед строем отделение стрелков на раз-два безжалостно привело приговор в исполнение. Не промахнулись воины. Все шесть пуль угодили в грудь предателя.

Мы-то знали, что на родину членовредителю уйдет похоронка с текстом: «Погиб смертью храбрых...» Это чтобы скрыть позор. Чтобы родителей отступника и изменщика не затравили земляки. Кому понравится жить по соседству с семьёй предателя?

Понятно, что расстрел самострела, это урок в воспитательных целях для остальных солдат. «Искупили» вину отдельно взятой, поганой жизни, да и ладно. К вечеру всё и забылось уже. Никчемная жизнь капитулянта, паникёра и труса не вызывала у нас ни жалости, ни сожаления. Скорее вызывала озлобленность. Как так получилось? Мы же все тяготы войны переносили вместе. Рисковали. Страдали. Он вот сломался и предал, а мы снова в атаку. И всё равно, позору мы предпочитали достойно умереть на поле боя.

Немцы тоже наших предателей особо не жаловали. В одном случае, только что из тыла подались к немчуре прямо из леса вооружённое, сытое, одетое, обутое пополнение. Руки подняли человек триста, целый батальон! Немцы в штаны наклали, гарнизон в деревне был десятка три солдат. Обер-лейтенант, комендант гарнизона приказал всем красноармейцам сложить оружие в кучу, снять полушубки и валенки. Затем русских солдат поставили перед силосной ямой и расстреляли. «Своих предали и Великий Рейх предадут», – сказал патриотично настроенный офицер. Даже закапывать не стали. Посчитали, что пусть местные жители постараются, если не побрезгуют.

Все уже распознали в полной мере, что такое позиционные бои. Немцы заняли круговую, абсолютно неприступную оборону. Иллюзий о своем превосходстве, а тем более, чувства победы солдаты не испытывали. Нас постоянно гнали в наступление. Постоянно. Часто это наступление проходило по пояс в болотной жиже. Ураганный пулеметный и минометный огонь противника выкашивал атакующих бойцов. Укрывшись за небольшим островком-препятствием, красноармейцы могли сутками отстреливаться. Однако приказа на отступление не поступало. Начальство было ещё теми шкурниками. Не подставлялось.

Командиры подстраховывали себя: жизнь солдатики в бою недолгая и никчемная. Всё равно отстреляют и лучше замолчать отступление, чем себя подставить. Так и гибли бойцы в болотах израненные. А еще того хуже, от переохлаждения. Брошенные на произвол судьбы, всеми забытые люди с разрушенной и далеко не героической судьбой.

Во фронтовых сводках цифры пропавших без вести зашкаливали. Суворова из себя начальники не корчили, даже не вспоминали. Генералиссимус был для них скорее простофилей, чем образцом для подражания. Может быть, оно было и так, но только почему-то никто из воевод не торопился в первые ряды жертвенников и не показывал на личном примере самый короткий путь к победе. Вроде бы, и трусами не были и храбрецами не назовёшь.

Поэтому, бойцы крайне редко испытывали любовь к своим командирам. И делали всё по приказу, а не в соответствии со здравым смыслом и, тем более с никому не нужной инициативой. Прикажут, сделают. Не прикажут, спать будут. Есть будут. Жить будут. Но и шаг вперед не подумают сделать. Не велено и точка.

Для несведущих, в военных делах поясню масштабность происходящей жизненной фронтовой круговерти вокруг нашей минометной роты.

Относились мы не к артиллерии, а были закреплены за стрелковым батальоном в разное время, доходившем от 300 до 500 штыков. Форма и погоны были у нас пехотные. Сначала в роте на вооружении было 6, а впоследствии уже 9 штатных минометов калибра 82 мм. Как не крути, а это шестьдесят человек личного состава. Соответственно 9 лошадей и двуколки, 4 телеги и даже больше с боекомплектom, различной походной утварью и много чего другого.

Для стрельбы из 82-мм минометов всех образцов применялись осколочные шестипёрые и десятипёрые мины (по количеству лепестков оперения). Дымовыми были только шестипёрые мины. 82-мм осколочные мины 0—832 и 0—832Д при разрыве давали 400—600 убойных осколков весом более 1 г. Радиус сплошного поражения одной мины составлял 6 м, а действительного поражения 18 м.

Площадь сплошного поражения принято было называть площадью, на которой при разрыве одной мины поражается не менее 90% всех стоячих целей. Площадь действительного поражения принято называть площадью, на краях которой при разрыве одной мины поражается не менее 50% всех стоячих целей противника.

Наши подствольники пехота называла «самоварами», а шестипёрые мины были «угольками». В случае, если было необходимо прикрыть пехоту огнем, говорилось, что надо бы подкинуть «угольков в самовары».

Главенствующей задачей нашей миномётной роты была поддержка атакующих бойцов гвардейского стрелкового батальона. Сами понимаете, что от слаженности действий двух совершенно разных подразделений напрямую зависела жизнь человека. Поэтому уважение служивых друг к другу было обоюдным. А помощь пехоты при смене дислокации, или позиции миномётной роты было обыденным делом. Чем быстрее и скрытнее перемещение миномётной роты, тем надежнее и эффективнее был огонь наших миномётов.

Для наблюдения за территорией болот и определения возможных целей немцы использовали двухфюзеляжные самолёты-разведчики «Фокке-Вульф-189», больше известные у нас как «рамы». Они часто висели в воздухе. Солдаты знали, что в нем корректировщики огня, но сбить их из винтовки не было возможности, так как «рама» имела броневую защиту. О зенитках калибром 85 мм говорить не приходилось: девять штук на дивизию не решали задачу обороны воздуха над местом противостояния.

Немцы имели тотальное превосходство в воздухе. Снятые с эксплуатации на европейском театре военных действий тихоходные штурмовики «Юнкерсы» «Ju-87», на нашем жаргоне «певуны» и «лаптежники» отлично чувствовали себя в русском небе. Они спокойно и основательно утюжили наши позиции вдоль и поперек по любому поводу. Превосходство немцев в воздухе было полнейшим, я бы сказал более категорично-всеобъемлющим.

Случался настоящий праздник, когда наше наступление поддерживали «ИЛы», самолёты-штурмовики. Немцы их побаивались, а ещё наши политруки заставляли их называть «черная смерть». Это для поднятия духа. Но, то ли самолёты были неважные, то ли летчики кидали бомбы по неразведанным целям, то ли виной всему леса и болота однако, достаточного эффекта это не приносило. И, тем более, на результатах боёв это никак не сказывалось.

Как правило, ИЛы пролетали девяткой. Летели на бреющем полёте и все орудия ПВО фашистов изрыгали по ним смертоносный огонь. По ходу дела подключалось стрелковое оружие: пулемёты, винтовки и, даже, шмайссеры. В общем, море огня. Кстати, наибольший урон самолёты получали, как ни странно, именно от стрелкового оружия противника. Но, штурмовики, обволакиваясь клубами разрывов и презирая смерть, упрямо шли к цели.

Над нашими головами они выбрасывали бомбы, которые вначале кувыркались, а уже потом, набирая скорость, летели по инерции на немцев. Затем, они выпускали ракеты, похожие снизу на маленькие торпеды. С шипением и оставляя огненный след, мчались они к цели. Взрывы были далеко впереди и эффективность попаданий мы оценить не могли.

Обычно, каждый такой налёт заканчивался гибелью двух-трёх самолётов. Они просто разваливались, взорвавшись в воздухе. Либо, оставляя дымный след, падали на землю. наших пилотов, спасавшихся на парашютах, немцы частенько добивали прямо в воздухе. Настоящие герои были летчики. С земли за ними наблюдали тысячи человек. За каждую трагедию в воздухе мы переживали, как за свою личную беду.

Но как только наступала ночь, со всех сторон с неба слышалось ровное стрекотание. Это легкие четырехкрылые самолетики бипланы «У-2». Фанерные «кукурузники» были обтянуты перкалевой тканью и загорались по малейшему поводу. Тем не менее, их было достаточно много и наглость их, не знала границ. Много неприятностей и урона доставляли они противнику. Но, бывало, сброшенные ими бомбы по ошибке прилетали и на головы красноармейцев. Кто поймет в этих болотах, чья сила находится на островке среди трясины?

Вследствие определенной секретности и обособленности авиачастей мы даже не догадывались, что управляют этими воздушными «этажерками» девушки. А между тем, эти героини не имели даже парашютов. Самолётик-то двухместный, вот и брали в бой «счастливчики» девчата два билета в один конец.

Однажды, с боевыми товарищами нам удалось сбить немецкий самолёт. Лёжа на спине в канаве мы стреляли в брюхо пикирующим «Юнкерсам». Один задымил и грохнулся в небольшой роще. Лётчик выпрыгнул с парашютом.

Ловили его по всему перелеску. Бравый был ас, матёрый вояка. С орденами за налёты на Францию, Англию и Голландию. Прибежали зенитчики и просили отдать его. Им за него дали бы звания, награды. Но мы передали фашиста в свой полковой штаб.

Наше начальство доложило о сбитом самолёте. То же сделали пехотинцы, ну и конечно зенитчики. Потом армейское начальство удвоило цифру, а в генштаб она ушла ещё увеличенная. Такова была практика отчётности боёв. Все об этом знали.

Прикол случился и в другом случае. Немецкие штурмовики не один день утюжили нашу оборону. Их истребители до такой степени обнаглели, что на бреющем полёте строчили из пулемётов и помахивали нам крыльями.

В тот раз был солнечный погожий день. Бомбы сыпались на наши головы, как горох. Но приказ никто не отменял. Наша миномётная рота, как могла, метала мины по немецкой пехоте, что готовилась захватить плацдарм.

В какой-то момент от падающих бомб стало невозможно. Миномётчики попрятались в окопные щели, но сержант Силкин продолжал вести огонь в одиночку, продолжая забрасывать мины в ствол миномёта.

И вдруг... Зашедший на штурмовку наших траншей немецкий «Юнкерс» натолкнулся в воздухе на одну из мин, выпущенных Силкиным.

Радости нашей не было предела! Мы орали и радовались, как малые дети. Ну, а фрицы, видимо от стыда и досады за своего товарища быстрёхонько улетели восвояси.

Как-то прислали нам новое пополнение. Среди них был тощий, сгорбленный парнишка с крючковатым носом по фамилии Гольдфарб. Мастер спорта по шахматам. При налёте «Юнкерсов» все солдаты разбежались по щелям. А он ложился на дно окопа на спину и смотрел на подбрюшья пролетающих бомбардировщиков.

Однажды он подошёл к комбату и высказал предложение, от которого бывалые бойцы долго смеялись. Но на «передке» было затишье, погода стояла хорошая и «Юнкерсы» донимали нас каждый день. А суть его идеи была в следующем.

Гольдфарб отлично знал математику и ему, не составило труда произвести расчёты с учётом начальной скорости пули противотанкового ружья и средней скорости немецкого «Юнкерса» при штурмовке наших позиций. На обрывке замызганного солидолом картонного ящика он составил таблицу поправок для стрельбы в зависимости от высоты пролёта бомбардировщика.

Поликарпыч, наш ротный слесарь по ремонту миномётов, остроумно придумал простейшую зенитную установку. Для начала, он в землю вбил кол. На кол сверху обухом топора впresseвал втулку. На эту втулку надел колесо от телеги. На это колесо установил сошниками противотанковое ружьё и закрепил его шнуром к спицам. Получилось, что приклад и магазин ружья

находились между спицами снизу. Как раз для удобства стрелку при использовании самопальной зенитной установки.

Чтобы показать мастерство в искусстве поражения цели к её использованию пригласили знаменитого в наших краях снайпера Николашку Ермакова. Гольдфарб подробнейшим образом объяснил ему о принципах стрельбы из противотанкового ружья по его таблице поправок.

И сразу же, при первом налёте Ермаков сбил пару «Юнкерсов». Затем ещё. Но потом уже «Юнкерсы» зашли на бомбометание в паре и фугас со второго самолёта разнёс в щепки всю зенитную установку. Кое-что нам удалось собрать от первого и второго номера противотанкового ружья. Захоронили их кишки, куски мяса и фрагменты тел тут же, под кусточками по соседству.

Бывало, что и немцы прилетали по ночам на своих маленьких самолётиках. Заглушив мотор, они планировали над нашими позициями. Заметив огонёк сигареты, искры от костра запросто могли сбросить на наши головы небольшие бомбочки. А чаще всего немцы кидали на шум, на разговор, на огонёк кассеты, начинённые мелкими гранатами. Она раскрывалась в воздухе и десятки гранат, как горох засыпали окрестности. Солдаты эту фашистскую пакость называли «фур-фур».

А ещё над «передком» в ночном небе летали немецкие «керосинки». Это небольшие потрескивающие шумливые самолёты. «Керосинка» выбрасывала осветительные ракеты и летала между ними, высматривая, куда бы зашвырнуть парочку небольших бомб. Вреда от неё было немного, но беспокойства и шума было предостаточно. Не давала спать. Словно блоха, вставленная в уши стучала: «Тук-тук-тук...»

Поначалу, завладев военным преимуществом, немцы, как правило, обустроивали глубоко эшелонированную линию обороны. Эффективно использовали межозёрное дефиле. Посуху вдоль лесов, на границах с болотами устанавливались дзоты, пулемётные бронеколлапы. Передовой рубеж сразу же превращался в неприступный укрепрайон.

А наша оборона, как правило, проходила прямо по болоту, куда уже не совались фашисты. Одни островки сухой земли были на нашей территории, другие на стороне немцев, третьи же делились пополам. Между островками укладывались гати, настилы. Самым лучшим считался настил из бревен. Так и перемещались: где по настилу, где вплавь, где на плотике. Лодка считалась роскошью и излишеством.

Болото всегда оставалось болотом. Даже зимой. Направления нашего движения, как оказывалось, были постоянными, и немцы научились определять возможные скопления людей, били прицельно. Настилы, островки, гати становились одновременно опасными для всех скучившихся людей. В случае прямого попадания потери были большими. А разбросанные по болоту куски тел уже никто не собирал. В таких случаях восстанавливали только саму гать.

Конечно, все кругом было заминировано. Островки сухой земли, само болото таили опасность с обеих сторон. Обидно, но, бывало, сами же на своих минах и подрывались. Так сказать непредвиденные потери. Разорванные тела из болота уже не собирали по кускам.

Если начальство возлагало большие надежды на захват опорного пункта немцев, то со всей округи съезжались большое руководство. Не дай бог, если не получалось достигнуть результата. Утром в пехотном полку устраивали экзекуцию: перед строем обязательно расстреливали несколько человек. Это были, без вариантов, «крайние». На них командиры списывали всю ответственность за поражение.

Фашисты тщательно, с арийским подходом готовились к обороне. Они же были на берегу, на краю болота. Доты и дзоты соединялись извилистыми траншеями. Болота и заливные луга перед первой линией обороны были заминированы на глубину до километра. Затем шли проволочные заграждения в три ряда. Огневые точки имели пушки, пулеметы. Было очень много минометов.

По всей дороге от Старой Руссы до Демянска у них маневрировали резервные части. Летом 1942-го года они протянули железнодорожную ветку, и движение их приобрело фантастическую продуктивность. По ночам и в плохую погоду было далеко слышно, как сновали паровозы привозящие эшелонами подкрепление, провизию и военное имущество, а обратно из «котла» вывозили раненных и сломанную, исковерканную технику.

Немцы тоже были те ещё барахольщики. Когда мы разбивали их колонну, среди повсюду валявшихся трупов можно было определить по документам бельгийцев, голландцев, французов и прочих фашистов-добровольцев. Приходилось потрошить их имущество. Чего тут только не было. Какие-то тряпки, женское бельё, посуда, ковры, даже фаянсовые унитазы. А в их карманах фотографии, письма, презервативы, порно открытки-целые коллекции. Многие солдаты Вермахта были с орденами, даже за захват Крыма. После разгрома, вид немецкого финиша доставлял мне огромное удовольствие.

С авиацией с нашей стороны было вообще туго, а танки существенного влияния на ход боев не оказывали в связи с их малым количеством. У них же в достатке и на ходу были и танки, и авиация. Оборона противника была слишком уж сильна. Конца и краю не было видать противостоянию.

Но отважно сражались русские солдаты и офицеры. С нами воевали: сын советского полководца Михаила Васильевича Фрунзе Михаил, 161-й истребительный авиаполк. Он был сбит и погиб в районе Старой Руссы. Здесь же летчик 580-го истребительного авиаполка лейтенант Алексей Маресьев тоже был сбит и выжил. Борис Полевой написал о нем легендарный учебник мужества «Повесть о настоящем человеке».

Вопреки советской пропаганде факт. 21 августа генерал Качанов уступил Манштейну в противостоянии у Старой Руссы. Немецкий корпус уничтожил до «60% личного состава русских и свыше 80% боевой техники», а вся 34-я армия бежала с поля боя и попала в окружение. В плен сдались 12 тысяч человек. Немцами был захвачен 141 советский танк, 246 орудий и особо ценный трофей, застрявшая в болоте легендарная, секретная реактивная установка БМ-13, «Катюша».

Война стала для нас обыденностью.

Если у командира была душа, он от безысходности шёл в атаку вместе с солдатами. И погибал с чистой совестью.

В то же время жестокие, циничные, случайные люди в армии, да просто проходимцы, как тараканы прибивались к тёплым и сладким, а главное безопасным щелям.

Как и в любом обществе на фронте сложился костяк снабженцев, медиков, контрразведчиков СМЕРШа, штабистов и других подобных людей. Они образовали и довели до совершенства механизм приёма пополнения и отправки его в бой, на смерть. Своеобразную мельницу смерти.

Эти люди были те ещё мерзавцы, настоящие подонки привыкшие к человеческим страданиям.

Ихнее начальство подбиралось тоже соответствующее не рассуждающее. Либо тупицы, либо подлюги и выродки. Способные лишь на жестокость паскуды. Клейма негде было ставить негодям.

Командир полка 311 дивизии выдвинулся на свою должность из командира банно-прачечного отряда, или по-другому бабского или бл... ского командира. Он без рассуждений гнал свой полк вперёд. Без рассуждений гробил его множество раз, вновь и вновь пополняя его из резерва. А в промежутках между боями он пускался в загул и пил водку «по-чёрному». При этом красиво, со смаком плясал цыганочку с выходом. Опять же с бабами из банно-прачечного отряда.

Солдат, как правило, офицеры не били. Но, если поднимешь руку на офицера, штрафбат был гарантирован. Однажды командир горнострелковой бригады Угрюмов, будучи пьяным

с стельку палкой лупил и гонял офицеров своего штаба. Битые начальством офицеры повинились, но не заложили начальника.

В другом случае он загнал свою часть по шее в воду, сквозь битый лед реки Мги. Было страшно морозно. Костров не было и водки тоже. Вся бригада погибла. Замёрзла. А её командир, полковник Угрюмов, как всегда пьяный до невменяемости, ходил по берегу неприкаянным. Скорее бы опохмелиться ему. По любому, вскорости пополнение подошлут.

Раздолбайство и пьянство не помешали ему стать генералом. Ведь русские мужики понятливые и сообразительные трудяги, особенно, когда трезвые.

А для генералов солдат всегда был навозом. Так уж повелось относиться к людям при социализме. Для достижения великой цели любые жертвы были приемлимы.

Поразительная разница существовала всегда между передовой и тылом.

На переднем крае лилась кровь, в избытке было страдание, а смерть являлась рядовым, никчёмным случаем. Там было не поднять головы под пулями и осколками.

Преобладали голод и страх, непосильная работа. Укрыться было негде в жару летом и в проливной дождь осенью. Мороз зимой пробивал до костей и трясучки. И жить-то было невозможно, разве что выживать. Обычным делом были адский обстрел и бомбёжки.

Дополнительным издевательством всегда присутствовал командирский пьяный угар.

Бойцы там были не жильцами. Они и сами понимали, что обречены. Для них было спасением ранение. И то не факт, что подфартит выжить.

Другое дело тыл. Здесь другой мир. Здесь находилось начальство, штабы. Стояли тяжёлые орудия, были расположены склады, медсанбаты. Снаряды долетали сюда далеко не всегда. Бомбы из самолётов падали на головы лишь изредка.

Если не переведут на передний край, все здешние останутся живы.

Поэтому у нас, на передовой штабистов и тыловиков ненавидели.

От сложившегося положения дел появлялось чувство какой-то безысходности. Каждый день одно и то же: пот, кровь, смерть. Смерть, кровь, пот. И так по замкнутому кругу, вырваться из которого не было никакой возможности.

Но в общечеловеческой трагедии уже обыденностью, незначительным нюансом становилась жертвенность. Равно как и судьбоносное личное желание пойти на смертоубийство себя любимого. Главенствующим фактором принятия такого решения для солдата была любовь к своей Родине. И, как ни странно это покажется, эту догму никто и никогда не подвергал сомнению и не оспаривал. Любовь к Родине была безмерной, безграничной и бессмертной. Заявляю это на полном серьёзе и со всей ответственностью!

От простого солдата до командира дивизии, все безоговорочно понимали, что мы делали только первые шаги к заветной мечте о великой Победе. Как сложится в дальнейшем судьба каждого из нас, одному Богу было известно. В случайный исход своей биографии никто не хотел верить. Как бы тяжело не было, но каждый хотел дожить до Победы.

Потери, казалось, были бесконечными. Война с ужасающим постоянством пожинала свой смертельный урожай. Всё наше существование сузилось до жуткого плотского мироощущения. О прекрасных чувствах, далёкой перспективе или человеческом счастье никто не думал. Сквозь прорезь прицела была видна лишь желаемая цель на уничтожение. Если повезёт, твоя взяла. А в основном, всё мимо. О высоких материях было не прилично разговаривать. Сочтут хлюпиком, окажешься в первом ряду жертвенников. Старшина хоззвода быстренько спишет со счетов. А чего обузу с собой таскать. Лучше прикрыться ею от свинцового дождя.

Хочешь, не хочешь, а жизнь сама научила нас вести тяжелые позиционные, окопные бои. Бои на истребление.

Убитые красноармейцы тоже приносили пользу. Герой обороны Москвы и Ленинграда генерал Леонид Говоров, прибыв на вверенный ему участок фронта, первым делом приказал убрать брустверы, собранные из убитых солдат и похоронить их. Легко приказывать, но каково

разбирать под огнём смёрзшиеся штабеля трупов! А после разборки мёртвых тел приходилось ещё рыть окопы по уставу в полный рост. Но, совершенно неожиданно для нас, смертность среди бойцов от шальных пуль и снарядов резко сократилась.

Когда мела позёмка, стояли трескучие морозы для обозначения зимников использовали вешки. Только чего было маяться, деревца рубить. Поступали проще. Втыкали в занесённые снегом обочины трупы толи немцев, толи наших. Пусть хоть окоченевшие, но мёртвые тоже вносили свой вклад в несокрушимую победу.

Похоронные команды, составленные из выздоравливающих раненных, местных демобилизованных колхозников, призванных «стариков» трудились очень даже споро. Работы у них всегда было предостаточно. Они особо и не роптали. В вещмешках убитых бойцов можно было неплохо пожить. Некоторые не брезговали крайностями. Осматривая зубы убиенных, пасатижами выдирали золотые коронки. У немцев-мертвяков всегда были припасённые необычные штучки: табакерки, ножи, нательное золото, трубки, часы, кольца. Но для них самым трудоёмким и неприятным было снимать с убитых обмундирование, которое после тыловой ревизии и стирки шло по второму, а то и третьему кругу применения.

Вследствие своей «неблагодарной» профессии и больших возможностях, похоронники были всегда пьяными. Каждую команду впоследствии обирал свой начальник. А того свой. И каждый хотел пожить за их счет. У них всегда имелся список заявок от «нужных» людей. Они-то уж точно, должны были дожить до Победы.

...А по зимнику с поля боя стали вывозить убитых. Трупов были тысячи и тысячи. В основном двигались повозки или сани. Трупы укладывались штабелями выше крупы лошади. Верёвки туго стягивали поклажу. В кузовах машин борта обычно наращивали за счёт вытянутых трупов. Их, как брёвна устанавливали по периметру, а посередке обнажённые тела, или части тел наваливали, как попало, но преимущественно вдоль кузова.

Бывало, на поворотах замороженные фигуры переламывались и вся гроздь мёртвых солдат вываливалась на обочину. Ну, не будет же шофёр с напарником корячиться, поднимать смёрзшихся мертвяков и распикивать их по кузову. Так, откинут бывших солдатиков за кювет подальше в снег и в очередной рейс. Возвращаться не было ни желания, ни сил, ни возможностей. По весне эти «подснежники» оттаивали и похоронная команда, либо штрафники старались их быстро прикопать незаметно так же, вдоль дороги.

И так бесконечным, нескончаемым потоком, тихо урча моторами, с замазанными краской фарами для светомаскировки шли машина за машиной к ближайшему оврагу в паре-тройке километрах от передовой. На краю уже стояли готовые к работе бульдозеры. Раз за разом от боя до следующего боя всё повторялось заново. Глядя на этот бесконечный трафик из смёрзшихся мёртвых душ можно было и нам поставить точный диагноз, что и наши души тоже закалились.

Таковы были жестокие будни войны. Не признаёт она никаких льгот или выборности своих жертв. Житуха каждого из нас, в своём житье-бытье, в любой момент могла окунуться в наваристую солянку представившихся жертв и растворится в ней без остатка. Какая разница, одним больше, одним меньше. Давным-давно уже всё переперчили и пересолили. Да ещё и со вкусом харкнули в общую рвотную шамовку. Не испортили бы привычную для нас блевотную жарку.

Собственно говоря, ничего хорошего в жизни на фронте мы и не видывали. Наш трепет к звезданутым сукиным котам командирам полковникам, а тем более усатому прохвосту в кремлёвских хоромах был предопределён страхом о возможном расстреле, но никак не уважением или благодарностью.

Все принимали как неизбежность со стороны негодяев и бандитов, стоящих у вершин Советской власти беспощадный и всеобъемлющий террор на фронте и в тылу (со стороны коммунистов, как себя они называли).

На войне же никем не оспаривался факт, что солдат, как баранов, бросали без всякого сожаления в кровавую баню. А раз бойцу изначально шансов на выживаемость командиры не рассчитывали, то и заботиться о человеческом скотосырье надобности не предусматривали.

Короче говоря, если сравнивать с чем-либо, то жили мы на войне, как скоты. И к смерти относились обречённо, по-скотски.

Из воспоминаний моего отца.

166 стрелковая дивизия, 517 стрелковый полк, 2 миномётная рота.

Командир 3-го миномётного взвода, лейтенант Иван Петрович Щербаков (1923 г.р.)

Осушить страданий горьких чашу и нести свой крест

Враньё старших командиров, их отчеты о завышенных потерях немцев доходили до абсурда. Искажения отчётности приводили к ошибкам и просчётам в понимании реального положения дел на театре военных действий. Служаки исправно получали ордена, а немец, как Кощей бессмертный и не собирался истекать кровью.

Генштаб РККА, не владея реальным положением дел на фронтах, планировал окончательный разгром немцев на конец 1942 года!

Однако, планы провалились.

Тогда перешли на подсчет результатов боёв по количеству освобожденных населенных пунктов, высот, оборонительных территорий. На кон поставили имущественный учет. И пошло, поехало...

Вам это ничто не напоминает в современной жизни? Реально принесенному урону врагу это не соответствовало. Однако, кое что, уже можно было проверить, сосчитать и планировать на шаг вперед, если не на два.

Хотя все без исключения и безбожно ввали, включая Генштаб, маршалов, генералов, полковников. Все.

Количество понесенных потерь некоторых службистов мало интересовало. В цене были любой ценой, занятые населенные пункты. А достигать этого результата можно было только большой кровью и ни с чем не оправданными потерями. Зато ордена получали исправно. Реальная статистика потерь была удручающая.

В боях за Прибалтику, в Курляндии подносчиков боеприпасов ротных миномётов поголовно забирали из местных. Никто их на учет не ставил. И принятых из ГУЛАГа на учёт не ставили. А при потерях просто закапывали. Как будто и не было человека.

Населенный пункт взят, значит отчитались. А то, что прислуга миномета перебита, ничего, закопаем. Новых людишек демобилизуют.

Так и шли вперед, с «малыми» потерями.

Поэтому и сопротивлялись местные партизаны «лесные братья» в своих лесах до конца 50-х годов.

О состоянии дел в 8-й армии писал из госпиталя «лично товарищу Сталину» сержант С. И. Шилов: «На участке фронта боевые действия проходят в паническом настроении. Большая часть командиров убегает с передовой линии в тыл. Бойцы посмотрят: нет командира роты и взвода, и в панике тоже отступают, бегут с передовой.

Командование рот и взводов отойдут от передовой линии огня метров на 600—700, и когда бойцы за ними кинутся бежать и дойдут до них, то командиры приказывают бойцам вернуться обратно, а сами бойцов не ведут вперед. От пуль прячутся.

Командиры взводов в это время производят массовые расстрелы бойцов, а противник этим моментом пользуется и в наступление переходит...

Среди командования идут споры, кому вести бойцов в атаку. Приказы перепоручают один другому, и поручение доходит до младшего комсостава и самих же бойцов. А они друг другу по мордасам и прятаться в окопы...

...Имели поражение из-за плохой связи с соседями и от этого не могли свободно маневрировать на другие позиции...

Есть большие неурядицы среди комсостава. Убийства у них случаются часто между собой при спорах. Есть случаи, что в спорах убивают и бойцов...

Бойцы отступают в панике за командирами. Те дожидаются их и расстреливают. А сами драпают ещё дальше...

Очень много паники. Руководства сверху нет.

А виноваты всегда мы, бойцы... Стрелочники... примите меры, товарищ Сталин...»

Читателю в качестве напоминания поясню, что в великих делах без предательства никак не обходится. Это вероломная основа основ большой политики.

И ещё из предыстории...

Сталину доложили, что Нарком обороны СССР маршал Тимошенко встречался в Кремле с делегацией англичан из дипмиссии во главе с Крипсом. Главнокомандующий принял «тревожный звонок» и отправил маршала на Западный фронт, вместо «паникёра» генерала Д. Павлова, которого вскорости расстреляли.

Как и Жуков, Тимошенко сразу же провёл ряд провальных операций. Самая тяжёлая и трагическая из них была битва под Сенно. Именно она вошла в мировую историю, как одно из самых бездарных сражений Второй мировой войны.

Одно из крупнейших сражений произошло в начальный период Великой Отечественной войны 6 июля 1941 года на Витебщине. В направлении Сенно, Лепель.

13-я, 17-я танковые дивизии 5-го мехкорпуса вывели в бой 613 танков. 14-я, 18-я танковые дивизии 7-го мехкорпуса вывели на поле боя 801 боевую машину.

Итого, со стороны РККА было 1414 танков и среди них новейшие Т-34 и КВ-1.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала командующему Западным фронтом С. Тимошенко и 20-й армии генерал-лейтенанту П. А. Курочкину уничтожить немецкую группировку, наступающую из района Лепеля.

20-я армия дополнительно была усилена 4 артполками, 5 зенитными артдивизионами, имела 130 тысяч человек личного состава, 1500 орудий, 500 противотанковых пушек. ВВС имели 58 самолётов и дополнительно 166 во фронтовом подчинении.

Для победы в этом бою у РККА имелось абсолютно всё!

Так и хотелось сказать «героям» того времени

– Командиры, хватит разглагольствовать и трусливо поджимать «хвосты». Идите. Правильно воюйте. И побеждайте врага! Для великой Виктории у вас есть все условия. А за вашими плечами Родина!

Но...

У немцев 7-я танковая дивизия генерала Г. фон Функа имела 149 танков. В 17-й танковой дивизии генерала К. фон Вебера на ходу находилось 80 машин. Всего 229 танков, преимущественно Т-3, значительно уступавших нашим Т-34, а тем более КВ-1.

Теперь вы видите то грандиозное преимущество, которое имела РККА перед Вермахтом?!

Но, у противника был неоспоримый козырь. Это... Наличие в наших рядах «героя с коричневым отливом» маршала С. Тимошенко, которой по незнанию дел или по причине неосторожности, головотяпства и разгильдяйства способствовал победе Вермахта.

Итак, отдельные ошибки, которые совершил маршал Семён Тимошенко у Сенно.

– Тимошенко не назначил командующих... армиями?! Например, К. Рокоссовского он назначил командиром 4-й армии, когда та уже была разгромлена и уничтожена.

– Не обеспечил доставку горючего для танков и снарядов для артиллерии.

– Отдавал приказы с 2-3-х дневным опозданием. В результате, та часть, которая побеждала, не имела поддержки для развития успеха. А проигрывавшее подразделение уничтожалась противником полностью.

– Как и Жуков постоянно делил, дробил части и мехкорпуса. Перетасовывал и отправлял по ложным адресам.

– «Затыкал» проблемные места и бросал части туда, где они по определению не могли победить, т. е. Тимошенко не имел стратегического мышления.

– Совершенно не использовал авиацию. Его самолёты мирно покоились на аэродромах. В результате немцы имели полнейшее преимущество в воздухе и уничтожали наши танки с воздуха... И т. п.

По аналогии представьте себе, что против 11-ти футболистов противника играют 77 наших (в соответствии с пропорцией у Тимошенко). А по краям поля стоят опять же наши тренеры с дубинами и загоняют убегающего неприятеля снова на поле (наша артиллерия и авиация). Плюсом будет, что 130-ти тысячный стадион наших болельщиков-тиффоози будет палить по башке неприятелю из рогаток (наши стрелки). Впечатляющая картина! А что в итоге?..

Всем нашим футболёрам переломали ноги, разогнали по кустам тренеров, а стадион передавив половину своих соплеменников сбежал по картофельным полям белорусских огородов. С гиканьем их преследовали 11 бодреньких тинейджеров из пивного баварского Мюнхена. Смешно, конечно, если бы не было так грустно...

Согласно военной науки, обороне требовалось не более 30% бронемашин от количества нападавших. Это всего 70 танков. А их было у нас 1414, в 20 раз больше необходимого! В 20 раз! И при такой пропорции он был обязан победить. Тем более к нему было тотальное превосходство в самолётах, противотанковой артиллерии, личном составе. Полнейшее и безоговорочное превосходство! Ужас и стыд, но он проиграл!

Однако, Тимошенко потерял всё военное превосходство перед немцами. Наша бронетехника была полностью и окончательно утеряна и уничтожена.

В то же время, в этом бою бывшим начальником Генштаба РККА (месяцем ранее) не было разгромлено ни одной дивизии Вермахта! Уму ни постижимо, но это была историческая правда! Беспощадная, циничная и безальтернативная, правда!

Немцы, даже, ни на секунду не замешкались, чтобы поменять свои планы! Через день, 8 июля, перегруппировавшись, противник успешно переправился через Западную Двину. А уже 9 июля 20-я танковая дивизия генерала Г. Гота ворвалась в Витебск.

Вермахт к тому времени взял Минск, и ему надо было освободить плацдарм на Смоленск и далее на Москву. Им некогда было смеяться над русской бездарностью.

На мой взгляд, маршал Семён Тимошенко совершил рукотворную и очевидную катастрофу при обороне рубежей Советского Союза. Проявил абсолютную бездарность!

По моему убеждению, фактор предательства имел здесь совершенно реальные последствия: при нашем тотальном превосходстве колоссальные, невосполнимые потери людей, техники, территориальные уступки и утерю инициативы в войне.

По законам военного времени, это верный расстрел. Без вариантов...

А девятью днями ранее, такое же военное преступление в районе Дубно, Луцка и Ровно совершил генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Только цифры там были похлеще и результаты куда более драматичнее.

В небольшом треугольнике местности будущий «маршал победы» Жуков лично подставил и уничтожил 2648 советских танков в одном бою. А немцы потеряли всего 260 бевых машин (пропорция 10,2:1)? И ещё вдобавок, тогда начальник Генштаба РККА сбежал от своего позора с поля боя на самолёте из Тернополя в Москву. Вверенные ему войска он без зазрения совести попросту бросил. Предал?

Не пережив унижения его комиссар, член Военного совета фронта Вашугин застрелился. Ну, а бойцы, простые хлопцы потеряв веру в своих бездарных командиров попросту разбежались по соседним оврагам и рощам можжевельника.

После ошеломляющих побед над знаменитыми красными генералами Гитлер с удовольствием и окончательно закрепил за собой стратегическую инициативу в Восточной кампании.

У меня по поводу всего вышесказанного возникает резонный вопрос: «А не Тимошенко ли науськал руками Сталина, но уже силой «отмороженного» Жукова всю мощь РККА на Бессарабию и Северную Буковину в 1940-м году? Глупо. Бездарно. Недальновидно.

Но именно этот главенствующий фактор заставил впоследствии обрушиться Фюрера войной на СССР!

Некоторые «толерантные» люди скажут мне, что, мол, так «наезжаешь» на Жукова, Тимошенко и других. У всех бывают ошибки. Но я сказал бы таким, что ошибки и не знание «темы», когда совершается государственное преступление «не освобождают от ответственности». Здесь налицо очевидный непрофессионализм нашего генералитета. Или предательство. Или первое, плавно переходящее от трусости и лизоблюдства во второе качество?

В народе бытует мнение, что, «кто платит, тот танцует девушку». Эта догма вне всяких сомнений. Сызмальства знаем. А, когда проплаченная пропаганда долдонит, что виноваты все, кроме наших генералов-победителей извините, здесь я точно не согласен.

Семён Михайлович Тимошенко и Георгий Константинович Жуков, два дружба с двадцатых годов (служили в одном кавалерийском полку) на пару в двух местечковых, но судьбоносных боях начала Великой Отечественной войны, в течение всего лишь двух недель сгубили 4062 танка. Немцы потеряли единицы. Стыдно называть, около 400 машин. Причём мы были в обороне, а фашисты наступали.

Должно же было быть наоборот! Но, статистика вещь упрямая. Реальная пропорция такова. Против 11 наших – 1 немецкий танк.

Так вот, мы воевали не умением, не числом, а дыркой от бублика.

Налицо случилось военное преступление. И виновник был известен.

Катастрофа!

По правилам того времени, для стрелочников, однозначно, расстрел. Позор на все времена. Но...

Возникает вопрос, почему два «отмороженных» монстра продолжили и дальше свою кровавую поступь, я лично не знаю. И, ведь, что странно? Власть обладала обоим. Одарила карьерой, орденами, титулами, званиями, славой. Весь народ обязала любить людей, которые уже в первый месяц войны должны были быть поставлены к стенке. Без альтернативы и с позором.

Замечу лишь, что в современном обществе среди геев свои правила поведения и среди лесбиянок, тоже свои. Нечто похожее, тогда наблюдалось и у кремлёвских тиранов.

Наши потери были гораздо больше. Они значительно превзошли общее количество немецких танков имеющихся у Вермахта на протяжении всей линии Восточного фронта от севера до юга!

О гибели людей, пропавших без вести, попавших в плен в отдельной главе.

Попробовали бы горемыки и тупицы военачальники совершить нечто подобное в современной жизни. Например, при главнокомандующем Путине. Пикнуть не дал бы, а не то, что оправдываться и врать с отчётами. На пожизненное заключение спровадил бы, а мы, потомки, ходили бы смотреть на этих монстров-пращуров, как в кунст-камеру. Плюнуть бы в глаз мечтали, паразитам.

Для сравнения расскажу о потерях возле Демянского «котла», где отважно сражался мой отец в составе 517-го стрелкового полка 166-й стрелковой дивизии.

С 8 января по 1 мая 1942 наши предприняли несколько безуспешных попыток, чтобы ликвидировать очаг сопротивления.

По данным немецкого источника, РККА совершила: 1155 нападений и атак, 766 наступлений. Было убито 60 тысяч красноармейцев, 3064 попали в плен, 7 тысяч пропали без вести.

У нас был сбит 81 самолёт, из них 46 простым стрелковым оружием немцев! Подбито 74 танка.

С немецкой стороны убиты 5010 человек и 200 пропали без вести. Ими организовано 455 вылазок, 215 контратак и 163 контрнаступления.

Наших безвозвратных потерь под Демянском было в 14 раз больше!

А вы говорите, что была оборона на дальних подступах к Ленинграду? Теперь-то вы должны понимать, что под Старой Руссой тоже было сплошное бездарное наступление. День за днём и месяц за месяцем безуспешное. Будучи в обороне, фашисты с удовольствием истребляли красноармейский планктон. Полк за полком. Дивизию за дивизией. Пополнение за пополнением. Безысходно и без вариантов на спасение. Всех косою и в землю.

Расскажу о побоище, по жертвенности не уступающему бою у Дубно, Луцка и Ровно в 1941-м году! Нечто подобное у наших горе стратегов происходило неоднократно в течение всей войны.

Позорище, названное «сражением» (а по факту нашим разгромом) произошло на Курской дуге у Прохоровки. А нам его преподносили ещё в школе, как «победоносное».

Какое уважение к власти имущим командирам, если сызмальства обманывали детей!

Итак...

12 июля 1943 года под деревней Прхоровка у немцев Панцер-СС корпус имел всего 180 танков, из них 35 «Тигров» Т-6 и 18 наших же трофейных Т-34. В действительности тяжёлых «Пантер» («Элефантов») у них не было.

А с советской стороны имела́сь целая армия. Более 1200 танков, из них 460 знаменитых Т-34, Т-70 и союзные «Валлентайны».

После 5 дней боев, противник организованно отступил, забрав всю свою подбитую бронетехнику.

Немецкая сторона потеряла в этом сражении безвозвратно 5 танков, а 43 танка и 12 штурмовых САУ было повреждено. Тягачами их увезли на тракторный завод в Харьков для ремонта.

Фашисты в боине у Прохоровки потеряли 3330 человек убитыми.

В то же время на Прохоровском поле осталось сгоревшими 354 советских машин, а общее количество подбитых машин 900 единиц.

В боях погибло 73892 советских воинов.

Немцы так и не смогли взять Прохоровку. Но можно ли при таких обескураживающих цифрах это побоище называть победой? Если только назвать её пирровой победой.

Для понимания и уяснения обстоятельств опишу технологию сражения...

Географически поле боя было нешироким около 3—6 километров, а в длину 8—12 километров. Ограниченное с одной стороны рекой Псёл, а с другой железнодорожной насыпью. Рельеф был пересечён овражками, лощинами, ручьями и перелесками, поэтому масштабному бою не способствовал.

Согласно военной науке расстояние между танками должно быть около 100 м. При уменьшении расстояния в 2 раза потери возрастают в 3 раза. Теперь мы понимаем, что из-за ограниченности поля в бою здесь могли участвовать не более 150 танков с обеих сторон или примерно по 70—75 машин с каждой стороны. Понятно, что в шахматном порядке двигаться они не могли и, соответственно, друг за другом тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.